

Среди мастеров московского Союза русских художников Константин Юон выделяется своим рационализмом. Поэт обыденной, неспешно текущей жизни России, он умеет поразить зрителя неожиданным художественным импульсом. Он автор созерцательного пейзажа "Купола и ласточки" и одновременно создатель экзальтированной космической композиции "Новая планета". И как мы увидим в дальнейшем — это не случайность. Даже в самых своих "понятных" работах Юон обладал способностью смотреть на привычную реальность сквозь магическое стекло своего творческого дара. Родился художник в Москве в 1875 году. Его семья происходит из Швейцарии и давно осела в России (отсюда, возможно, генетическая пунктуальность). Детство его прошло в Лефортове среди старинных дворцов, парков и церквей. Это на всю жизнь впоследствии определило его привязанность к русской старине и Москве как постоянным источникам вдохновения. Отец хоть и служил в страховом ведомстве, но был человеком по-настоящему культурным. Тем не менее родители были весьма строги и, как казалось Константину, иногда несправедливо... Рисовать Юон начал с восьми лет и со свойственной его натуре целеустремленностью не отступал более от своего увлечения. Его яркая одаренность проявилась в эти годы в создании увлекательной "игры в архитектуру", которой он сумел заразить своих товарищей. Это были фантастические проекты невиданно прекрасных городов. Именно увлечение архитектурой привело его в Московское училище живописи, хотя вскоре, как вспоминает Юон, "краски перетянули". Да и увлечение архитектурой было особенным, оно окрашено космическим чувством, устремлением к утопически прекрасным мирам. Юон писал впоследствии о своей "игре": "Лучи сияющего солнца, волны ветров, формы растительного мира, фантастика форм животного наземного и подводного царств, а также образное олицетворение человеческой мудрости, любви, воли, славы... питали мое воображение". После этого признания художника не кажется столь неожиданным в его творчестве явление таких символических произведений, как серия графических работ "Сотворение мира" 1908 года. С поступлением в училище Юон попадает в атмосферу обновления русского искусства. В конце 90-х гг. в нем преподают Серов, Коровин. Хотя и косвенно, но особое влияние на Юона оказал Левитан, его тонкая тональная живопись, умение выбрать пейзажный мотив. Увлечение французским импрессионизмом, знакомство с европейским искусством обогатили Юона разносторонней художественной культурой. Но эти впечатления не вскружили ему голову. Картина 1907 г. "Голубой куст", пожалуй, единственный в его творчестве эксперимент с красками, отражающий новейшие открытия импрессионизма в области оптических превращений цвета. К основному же направлению творчества Юона применимо понятие умеренного импрессионизма. Оно часто звучит в разговоре о московских пейзажистах тех лет и предполагает верность натурным наблюдениям и оттого несколько пасмурную сдержанность красок, тонкость оттенков, выразительность силуэтов на белом снегу. Все это ближе северной русской душе, нежели яркое солнце Франции. Для Юона в ранний период его творчества всегда огромное значение имел непосредственный контакт с натурой. Он открывает для себя мир русской провинции: природы, монастырей, городов. Особенно он проникся духом Троице-Сергиевой лавры, древнего Пскова. Кажется, что впечатления захлестывают его. С переносным мольбертом устраивается он прямо посреди городских площадей, на перекрестках, в самом кипящем жизнью месте, и, очертив круг, самозабвенно работает. Надо особенно отметить, что невольные участники этих "массовок" ревниво заботились о покое художника. Так он писал в 1903 г. картину "К Троице", которая наполнена живым движением, этюдной непосредственностью впечатлений. В эти годы складываются основные черты картин Юона. В них всегда широкий размах пространства, торжествующее над всем раздолье русской природы, часто высокий горизонт, заснеженные белые поля и площади, величественное предстояние храмов, носителей мудрой исторической памяти, и современная жизнь у их

подножия. На картинах Юона они живут в едином ритме. В мелькании маленьких фигурок невозможно разглядеть отдельные лица, есть общее лицо народа, то радостно пестрящее всеми красками радуги в праздник, то сдержанное и деловитое в будни. Но и повседневная жизнь озаряется какой-то праздничной оживленностью, энергией и смыслом. По словам искусствоведа Д.Аркина: "Юон верен большой традиции русской пейзажной живописи, сумевшей найти для родной природы ясные и чистые звуки неторопливой речи". И главное событие личной жизни, встреча в 1900 году с будущей женой, простой крестьянкой из подмосковного села Лигачёво, Клавдией, напоминает мотив из его картин. Работая на природе, он увидел стройную с роскошной косой девушку, величаво поднимающуюся на гору от реки. Юон словно забыл о своем рационализме и вскоре женился на ней, чем навлек на себя гнев отца, который выгнал его из дому... Но по свидетельству родных Юона, душевная щедрость, доброта и красота Клавдии Алексеевны впоследствии победили все сословные предрассудки и сделали ее любимой невесткой. Недалеко от дома родителей жены, в имении Лигачёво, Юон приобрел дом, где создал свои лучшие работы. Здесь в 1915 году он пишет свой самый известный пейзаж "Мартовское солнце". Эта большая по размеру картина обладает удивительным воздействием на зрителя. К сожалению, она в данное время не экспонируется в залах Третьяковской галереи, хранится в запаснике... Стоя перед картиной, как бы ощущаешь морозный воздух и голубизну неба и снега. Мартовское солнце на закате зажигает стволы и ветви деревьев ярким пламенем. Художник разделяет пространство как бы на три кадра, плана. Первый начинается с "гигантских шагов" стволов деревьев и поднимается вверх вслед за энергичным раскручиванием позолоченных солнцем ветвей. Фигурки крестьянских ребятишек на лошадках вносят ускоренный ритм движения, и даже возникает иллюзия звонкого скрипа снега под копытами лошадей. Движению всадников аккомпанируют синие ползущие тени. Потом взгляд совершает резкий скачок вглубь картины и оказывается на третьем плане. Здесь размер фигур значительно уменьшен. Внимание привлекает забавная сценка: ярко-красный в солнечных лучах жеребенок только что принял снежную ванну и еще не успел отряхнуться. Черная собачка с искренним возмущением облаивает "чудовище". И это чудесное состояние замороженности покоем и торжеством в природе, которым буквально дышит полотно, родилось в душе художника после девятидневной изматывающей бури и снегопада. Константин Федорович написал о перипетиях работы над картиной жене: "Сегодня был тихий, солнечный день, — я его так ждал; и устал безумно, едва ручку рука держит... Предпоследнюю ночь так кругом все грохотало от ветра... — стены и пол дрожали", В 1910-е годы творчество Юона завоевало прочную популярность у зрителя. Для него наступает период зрелости таланта. Склонный приводить свой художественный мир в стройную систему, Юон выделяет его основные элементы: архитектура, снег, небо, свет, пространство, движение, тело. По его собственным словам, в пейзажах "он стремится передать величаво-монументальное и поэтическое звучание русской природы". В его образе России нет деления на город и деревню, современное и прошлое — все удивительно едино и гармонично. Но за этой художественной гармонией стояли внутренние сомнения художника. Юон признавался, что в нем жили как бы два человека, с одной стороны стремящийся навстречу стихийному народному началу, с другой — считавший, что прекрасное доступно лишь избранным натурам. Революция обострила эту внутреннюю борьбу. Несмотря на официальные заявления, отмеченные оптимистическим восприятием происходящих изменений в жизни народа, в душе художника было тревожно. Не случайно в первые революционные годы он обращается в своих натуральных зарисовках к своеобразному документальному бытописательству, объективному анализу событий. Но душевного равновесия он обрести уже не смог. Ярким свидетельством того стали две картины, созданные в 1921 году, "Купола и ласточки" и "Новая планета". В одной полный ностальгической грусти

взгляд в прошлое, в другой — исполненный катастрофических предчувствий взгляд в будущее. При всем различии пластического и образного языка двух работ: первая — лирический пейзаж, вторая — аллегорическая композиция, трудно отделаться от ощущения их внутреннего родства. Как поразительно похожи угасающие на закате золотые купола на фоне холодеющего горизонта и горящие шары планет в черных безднах космоса. Впрочем, в очень сложной и компромиссной ситуации, в которой оказался Юон, став советским художником, его спасла высокая культура и верность своим темам. Москва, которая и прежде была неисчерпаемым источником вдохновения для художника, открылась ему своим новым трагически искаженным современной историей лицом, новыми ритмами, героическими буднями. Появляются картины: "Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941г."; "Утро индустриальной Москвы". В последние десятилетия своей жизни, (умер художник в 1958 г.) Юон занимается теоретическим обобщением своего опыта, работает над книгой "Юон об искусстве". Ему было присвоено звание доктора искусствоведческих наук. За год до смерти художник был единодушно избран первым секретарем правления Союза художников СССР. Как наставник молодого поколения художников он утверждает в годы гонений на "формализм" ценность живописной традиции, наследие дорогих ему импрессионистов, Сезанна, японцев. Кстати, связь с древним искусством японской гравюры в ощущении движения природных стихий и тонкости цвета лучших работ Юона несомненна. В воспоминаниях о Юоне писателя Э.В.Брагинского есть курьезный эпизод, когда во время своей поездки в Японию он спросил, кого из русских художников знает хозяин. Ответ был короток: "Юон!" Традиция юоновского пейзажа, его поэзия русской провинции оказались одним из самых живых и искренних путей русской живописи бурного XX века, лишь по касательной затронутых фальшивой "злободневностью" советского искусства. Не случайно поколение московских пейзажистов 60-х годов так органично восприняло и продолжило это юоновское направление.